

Следует отметить, что концептуализация метафоры-слова *Rezept* стала уже традиционной и широко употребляемой в современном политическом дискурсе. Она обозначает принятие каких-либо важных решений в соответствии с четко продуманным планом, в нашем примере – способ набрать больше голосов на предстоящих выборах.

Таким образом, исходя из анализа кулинарных метафор, которые являются способом языковой репрезентации метафорического фрейма, базирующегося на концепте «Кулинария», можно сделать выводы:

- 1) среди метафор, репрезентирующих знания о сфере политики в терминах концептуальной сферы «Кухня», встречаются метафоры-слова, метафоры-словосочетания, метафоры-предложения;
- 2) содержанием всех проанализированных кулинарных метафор являются внутрипартийные и выборные дела;
- 3) кулинарная метафора выполняет ряд функций:
  - а) оценочную;
  - б) манипулятивную;
  - в) информативную;
  - г) прагматическую.

Литература

1. Osthus D. Metaphern im Sprachenvergleich: Eine kontrastive Studie zur Nahrungsmetaphorik im Französischen und Deutschen. – Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Lang, 2000. – 375 S. – (Bonner romanistische Arbeiten; Bd. 70)
2. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во УРГПУ, 2003. – 250 с.
3. Хахалова С.А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры / С.А. Хахалова. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. лингв. ун-та, 1998. – 249 с.
4. Хахалова С.А. Концептосфера личностной пристрастности: метафора / С.А. Хахалова // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории / под ред. проф. Ю.М. Малиновича. – М.-Иркутск, 2003. – 251 с.
5. Wahrig, G. Das große Wörterbuch. – Gütersloh: Mohn & Co, 1989.

Л.А. Араева, Т.А. Лозунов
г. Кемерово

**Когнитивные основания интерпретации высказываний
с аналитическими формами будущего времени
(в английском и русском языках)**

The category of Future Tense is treated not only as a grammatical one, but also as a complex pragmatic and cognitive category. The special stress in the analysis is put on the consideration of wide cognitive context including the factor of communicants' knowledge fund, which is essential for the correct interpretation of such utterances.

Все исследователи языковой категории футурума подчеркивают ее комплексный характер. Семантическая структура средств выражения будущего характеризуется наличием ряда компонентов, которые взаимодействуют определенным образом при функционировании указанных средств на синтагматическом уровне. Существует несколько источников модальности будущего, прежде всего, это его специфика как понятийной категории. (1) Более того, будущее время в языке предлагается рассматривать одновременно и как *грамматическую*, и как *онтологическую* или *когнитивную* категорию. (2)

При описании функционирования футуральных форм необходимо учитывать не только ближайший лингвистический контекст, но и всю коммуникативную ситуацию, включая когнитивную позицию коммуникантов, т.е. объем их знаний на момент речи и модус отношения к будущим событиям. При обозначении будущих действий в языке большое значение приобретают представления носителей этого языка о будущем, о возможностях воздействия на него. Таким образом, при интерпретации высказываний о будущем повышается роль внеязыковой информации, фоновых знаний. Это дает основание утверждать, что в будущее время входит не только семантика компонентов его формы, но и *прагматика высказывания*. (3)

Л. Хэгеман называет высказывания о будущем «относительными» в том смысле, что они

являются продуктами умозаключений, догадок, суждений, ожиданий со стороны говорящего или пишущего и не подвержены никакому объективному контролю в момент t_0 . (4)

Западными учеными в свете теории речевой человеческой коммуникации (5) выделяются определенные механизмы отнесения действия к будущему в высказываниях. В момент времени t_0 говорящий указывает, что в отношении него/нее следует ожидать актуализации конкретного события. Употребляя грамматическую форму будущего времени, он указывает, что это событие еще не стало объектом фактического *объективного знания*, но является продуктом *субъективной оценки*, сделанной на основании его положения в момент t_0 . Следовательно, суждение должно быть основано на некоторых знаниях, имеющихся у говорящего в момент t_0 . Иногда говорящий эксплицитно указывает на свои знания (*насколько мне известно; могу предположить, что; as far as I know/can tell; in my opinion, etc.*). (6)

Для описания мы выбрали аналитические формы будущего русского и английского, поскольку соотношение категорий футурума в этих двух языках является несимметричным благодаря наличию в русском языке двух грамматических футуральных форм.

В контексте когнитивной интерпретации одним из наиболее ярких и характерных случаев является употребление форм сложного будущего в придаточных, зависящих от сказуемого с формой глагола *знать/to know*. На первый взгляд, значение этого глагола противоречит значению категории будущего как таковой, так как человек не может обладать знанием, т.е. абсолютно достоверной информацией о будущем, поскольку знание, как известно, отличается даже от самой сильной уверенности. Дж. Остин приходит к заключению о том, что «когда говорящий утверждает, что какая-либо информация входит в область его знаний или что все в его власти, то условия, которые должны при этом выполняться, относятся не к будущему, а к настоящему и к прошлому – в отношении будущего не требуется ничего, кроме простой веры». (7) Таким образом, рассматривая выражения типа «Я знаю, что X будет делать Y», мы должны либо исходить из того, что глагол «знать» здесь имеет не вполне буквальное значение, либо исходить из наличия особой аспектуально-таксисной ситуации, при которой событийное ядро ситуации лежит в области настоящего и лишь частично проецируется на будущее. Так, в следующем примере представлена довольно сложная аспектуально-таксисная ситуация: *Я же не знал, что теперь ты будешь наши деньги получать. Взял и истратил свою зарплату* (Распутин). Субъект высказывания оправдывается своей неосведомленностью относительно некоего факта, имевшего место в прошлом, а именно факта принятия решения о том, что адресат «теперь», т.е. после вступления этого решения в силу, получает деньги. Очевидно, что принятие решения предшествует действию субъекта речи («истратил зарплату»), иначе его оправдания были бы бессмысленны, вместе с тем форма будущего сложного «будешь деньги получать» в сочетании с временным наречием «теперь» актуализирует значение начинательности, т.е. новые полномочия адресата высказывания, полученные им в результате какого-то решения, распространяются на неопределенный срок в будущем. Таким образом, форма будущего здесь обозначает действие, которое лишь отчасти следует во времени за ментальным состоянием незнания субъекта речи.

В следующем примере из английского языка субъект высказывания делает заключение на основе некоего факта, ставшего известным ему к моменту настоящего. *Even the last wish to see Eduard Roschmann stand before a court ... will never be fulfilled. I know this now* (Forsyth). Здесь важным показателем аспектуальной ситуации также являются временные наречия *now* и *never*. Первое отмечает достижение предела состояния, поскольку с этого момента субъект обладает знанием, *never*, в свою очередь, демонстрирует категорическую невозможность осуществления действия в будущем, т.е. распространение ситуации в бесконечное будущее, моментом же начала существования данной ситуации стал момент получения субъектом речи знания.

В том случае, если форма будущего в придаточном обозначает действие, строго следующее за определенным моментом, мы можем столкнуться с речевой модификацией значения глагола *знать/to know* за счет нового оттенка максимальной уверенности, граничащей с объективным знанием. Вероятно, глагол «знать» в подобных случаях нередко используется метафорически, создавая у реципиента текста впечатление полной уверенности и осведомленности субъекта ментального состояния. Иными словами, это эксплицитно выраженная эпистемическая уверенность, возникающая благодаря обладанию сведениями о реальных предпосылках возможных действий в будущем. Ср. эпитет «твердо» в следующем примере: *Яшкин твердо знал: будут*

немцы шариться всю ночь под высотой, по близким оврагам, чтобы добыть русского языка и вызнать, чего тут и как (Астафьев).

Такое почти объективное знание о будущем может быть основано:

1) на опыте (многократное повторение подобных ситуаций в прошлом): *Наверняка Дема ее сейчас не искал, потому что не мог бы решиться с ней знакомиться: он знал, что рот ему свяжет как тестом, будет мычать что-нибудь неразборчивое и глупое* (Солженицын);

2) на планах и распоряжениях, обязательных к исполнению, в результате которых обозначаемое действие произойдет независимо от воли и намерений участников ситуации: *Собрание было людное, несмотря на то, что сегодня в тресте выдавали зарплату. Все знали, что речь будет идти о моей бороде и каждый хотел принять участие в обсуждении этой жгучей проблемы или хотя бы посмеяться* (Аксенов). *'We both feel uncomfortably certain,' said Jago, with a malicious smile, 'that the other would not be our natural first choice. I know my colleague will correct me if I am misrepresenting him.'* (Snow);

3) на знании объективных свойств (психологического склада, умений и способностей) участников ситуации и особенно субъектов будущих действий: *Он знал, что это точно будет, что после этого сюда ворвется банда будильников, хорошо откормленных ражих жеребцов, его стиснут, свалят на пол и будут топтать, пока не превратят в мешок с костями. Что-то, а это они умеют* (Домбровский). *Chrystal, I know we don't get on at heart. I'm not going to pretend: I know we never shall. But we've made shift for long enough now.'* (Snow);

4) на объективном анализе настоящих фактов, который позволяет делать надежные выводы о последствиях наличествующей ситуации: *Если бы вы любили Ричарда, вы бы не поехали со мной. А вы поехали. И взяли с собою купальник. Вы все знали. Вы знали, что мы будем лежать на пляже и что я буду вам говорить* (Гранин). *Oh, a path, the ache said, a path may take you fifty miles before it reaches anywhere at all: you know you won't last that distance* (Greene).

Когнитивный «фактор» является необходимой составляющей коммуникативной ситуации при актуализации значений уверенности/неуверенности в ситуации предсказания.

Если способность делать предположения о будущем в значительной степени определяется общим фондом знаний говорящего и осведомленностью относительно предшествующего развития конкретной ситуации, то основой при определении степени **уверенности субъекта речи** в будущем событии во многих случаях является его *опыт*, представленный в речи как обоснование для суждения. Так, в следующем примере говорящий демонстрирует информированность о типичных действиях участников ситуации и знание о прошлых событиях в схожей ситуации: – *Когда начнется, мы будем знать, – сказал Сергеев. – Тут всегда при норд-осте адмирал Вирен выводит свою эскадру на тренировку, ну, а нашим из Новороссийска тоже дома не сидится* (Аксенов).

Будущее суждение может быть также представлено как логически обоснованное, как вывод из изложенных говорящим постулатов, свидетельствующих о его знаниях относительно установленного порядка отношений в данной области, о нормах поведения: – *Вы хотите сказать, что надо сначала сто раз отмерить? – Совершенно правильно. И молча, если не втайне, чтобы не вызвать ажиотажа у легковверных людей или приговоренных, хватающихся за соломинку. Настоящая наука поступает так, чтобы не будить напрасных надежд. Поэтому и вы будете молчать, и я тем более* (Ефремов). Кроме того, опыт субъекта суждения о будущем может быть конкретизирован как знание свойств или мотивов субъекта будущего действия: *И я знаю, Дан – настоящий ученый. ... Он, как Галилей, будет твердить: а все-таки она вертится! Настоящий ученый иначе не может. Что бы ни было!* (Гранин).

Поскольку суждения о будущем всегда строятся на основе некой когнитивной базы субъекта, лексический контекст проясняет для читателя или слушателя, из чего исходил говорящий, **предсказывая, предполагая или утверждая** то или иное **будущее действие**. Основой для более уверенного предсказания служит внимание к фактам и событиям настоящего и прошлого, что позволяет строить вероятностные картины развития, выявлять тенденции и применять к ситуации знание объективных связей и закономерностей.

Предсказывая будущую ситуацию, говорящий может демонстрировать **субъективную уверенность** эмоционально-экспрессивными средствами. Эти эмоции являются результатом ранее сложившейся убежденности в наличии строго определенной тенденции развития. Так, в следующем примере доведенная до отчаяния женщина уверена, что ей уже не удастся уехать из того населенного пункта, в котором она находится, это предположение основано на совокупно-

сти ее личных переживаний и предыдущих событий ее жизни: *She began to cry hunched up under the mosquito-net. She said, 'I'll never get home alive.' He came wearily over to the bed and took her hand again. It was no good. They had both been deserted. They had to stick together* (Greene).

Основанием для уверенности в определенном будущем событии может быть столь же субъективное мнение о собственных действиях субъекта речи в настоящем и прошлом. Субъект оценивает свои действия как способные привести в будущем к строго определенному результату: *'You don't think I mind sending a note to Jago, do you? He would never have done. Not in a hundred years. I'm saving us all from a calamity. You don't see it now, but you'll thank me later on.'* (Snow).

Наиболее убедительными для адресата являются предсказания, построенные на основе знаний объективного характера. Это может быть знание настоящей ситуации, мотивов и соотношения сил ее участников, что позволяет делать определенные логические выводы: *Cuba won't seriously interfere in Africa again (America has seen to that), and Angola won't be a danger for a good many years. No one is apocalyptic today. Even a Russian wants to die in his bed, not in a bunker* (Greene). С другой стороны, знания говорящего могут иметь более частный характер, являясь результатом личного опыта и информированности субъекта речи. Они включают в себя осведомленность относительно характерных свойств и признаков участников будущей ситуации, что позволяет сделать уверенные предположения, используя сочетание «will + inf.» не в чисто футуральном значении: *'But if she's dying...' Mr Tench said. 'I know these people. She will be no more dying than I am.'* (Greene). Вместе с тем предположения, основанные на знании свойств субъекта, могут быть отнесены исключительно в будущее благодаря наличию в контексте темпоральных модификаторов.

Основным средством экспликации субъективного отношения говорящего к содержанию высказывания являются вводно-модальные слова. Наш анализ употребления таких слов и словосочетаний в высказываниях с формами аналитического будущего времени в двух языках показывает наличие некоторых особенностей контекстуального взаимодействия этих единиц с футуральной формой. Названные единицы выступают в таком контексте, скорее, не как показатели достоверности с точки зрения логики, а как показатели вероятности (степени убежденности субъекта высказывания) и тем самым выполняют свою основную функцию – демонстрируют объем знаний говорящего на момент речи, позволяющих ему делать определенные выводы/предположения относительно вероятности наступления будущей ситуации. Следовательно, будущее в таких контекстах предстает прогнозируемым, а прогноз – (логически) обоснованным доступной субъекту высказывания информацией о настоящем положении дел, включая свойства участников ситуации, логику развития ситуации, выводимую из ряда параметров, а также, очевидно, его фоновые знания. Развитие ситуации определяется в том числе различными ограничениями, накладываемыми на участников, что в терминах модальности описывается как объективная возможность.

Например, употребление наиболее частотного в нашей выборке из английского языка модального слова *perhaps* сигнализирует о том, что вывод субъекта речи основан на недостаточном знании, которое состоит в основном из знания обычного положения вещей или качеств участников ситуации. Будущая ситуация представляется как отделенная от настоящего длинной цепочкой причин и следствий, связь которых не ясна говорящему, поэтому нет и непосредственной логической обоснованности. В высказываниях с условием та часть, которая оформлена с помощью *perhaps*, представляет стандартное следствие из определенной ситуации, не имеющее однако высокой степени закономерности: *... if I tell people, how it is over here perhaps they will send a good man with a fire of love* (Greene).

У модального слова «может быть», которое является наиболее частотным в контексте со сложной формой русского будущего, словарь Д. Ушакова отмечает потенциальность и перспективную направленность («как может случиться»), но будущее действие – часто желаемое – характеризуется в этом случае как равновероятное с другими возможными исходами: *Имеется археологическая карта Семиречья. Кое-что, может быть, можно будет извлечь из анализа показаний очевидцев...* (Домбровский). «Скорее всего», представляющее собой по форме застывшее сравнение (что отражено в дефинициях «вернее всего», «очень вероятно» по словарю Д. Ушакова и Академическому словарю русского литературного языка), предполагает четкий выбор одной из гипотез как наиболее предпочтительной на основании предварительного сравнения: *Времена корсаров и рыцарей миновали. Твой партнер в жизни будет скорее всего сле-*

доть, как бы ты не заставила его делать больше, чем делаешь сама (Ефремов).

В нашем исследовании выделяются частные ситуации с различными оттенками значения гипотетичности (потенциальности), которая является одним из категориальных значений футурума. Рассмотрим частную ситуацию «ментального восприятия», когда форма будущего употребляется, например, с глаголом «выглядеть», определяемым наречиями типа «глупо», «по-дурацки», которые негативно характеризуют внешний облик (образ) субъекта речи. Гипотетическое будущее в таком случае ментально конструируется с точки зрения внешнего восприятия относительно субъекта мыслительного действия. Таким образом, говорящий (=субъект мышления) конструирует ситуацию, в которой он видит себя чужими глазами: *Сперва он вышел встречать ее в садик, зная, по какой кривой аллейке она должна прийти, ... но потом подумал, что в бабьем халате будет выглядеть глупо, не так, как хотел бы ей представиться* (Солженицын). Такое будущее состояние характеризуется как совершенно неприемлемое, недопустимое для субъекта мысли, и поэтому он предпринимает или планирует предпринять действия, ведущие к альтернативному будущему. Таким образом, автор высказывания «Я буду выглядеть глупо» заранее отказывается от такого варианта развития будущего, что делает форму будущего в этом выражении синонимичной форме нереального наклонения (Ср. «*В этом халате я выглядел бы глупо, поэтому я не хочу, чтобы меня в нем увидели*»). Другие выделяемые нами частные ситуации для русского языка – это нейтрализация индикатива и неиндикатива (*А не трудно и представить такое общество, в котором все отношения... будут вытекать [= вытекали бы] из нравственности*. (Солженицын)), ситуация мысленного конструирования, которая частотна и в английском, (8) ситуации эмоционального выбора, обманутого ожидания и риторический вопрос.

Различное отношение к действию, позиция говорящего ярко отражаются при анализе высказываний как обладающих иллокутивной силой **речевых актов** (РА). Для высказываний о будущем характерны такие РА, как комиссивы (принятие субъектом речи обязательств) и промиссивы (менее обязывающее обещание), поскольку они сообщают о готовности говорящего выполнить действие в последующем отрезке времени, т.е. ориентированы на будущее. Эти РА демонстрируют активную позицию говорящего, способного изменить ситуацию и ответственного за свои действия. Важно, что промиссив предполагает добровольное обязательство, принимаемое в пользу адресата высказывания. (9)

Количественный анализ нашей выборки показывает значительное преобладание доли промиссивных и комиссивных высказываний в английском языке относительно соответствующего показателя для русского сложного будущего. Это объясняется, по-видимому, как общими особенностями строя английского языка (агентивный тип предложений с четко выраженным подлежащим-субъектом), так и категориальным значением русской аналитической формы будущего (процессность, неопределенность), противопоставленной форме настоящего-будущего совершенного вида.

Промиссивные высказывания выражают обещания, содержанием которых является готовность не только выполнить действие в пользу адресата, но и отказаться от нежелательного для него действия: *'My dear fellow, I really am sorry. I promise I won't keep you up a minute longer. Only I didn't want you to go to bed troubled.'* (Greene HF). *After that I promise I'll leave you strictly alone for the rest of time* (Forsyth).

Онтологическая модализованность будущего события, которое может быть выражено формами и единицами языка, а следовательно, и модализованность самих языковых средств выражения будущего действия требует выхода за рамки строго формального определения единого значения этой формы и привлечения дополнительных сведений практически в каждом конкретном случае. Не удивительно поэтому, что все попытки вывести единую строгую классификацию употребления глагола *will* в системе английского языка (как модального, «полумодального» и темпорального) не были окончательными и подвергались критическому пересмотру. (10) Это верно и для гипотез о «единстве» и нерасчлененности лексемы-граммемы *will* в английском языке. (11) Нам представляется, что наиболее эффективным подходом к описанию употребления футуральных аналитических форм (а также других способов отнесения действия к будущему) является анализ высказывания в рамках когнитивного подхода, включающий учет таких экстралингвистических составляющих, как объем знаний автора высказывания (субъекта действия), его интенции и другие компоненты общей коммуникативной ситуации.

Литература

1. Сахарова Н.С. Развитие средств выражения проспективности (новоанглийский период) [текст] / Н.С. Сахарова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1987.
2. Fleischmann S. The future in thought and language: Diachronic evidence from Romance [текст] / S. Fleischmann. – Cambridge, 1982.
3. Фичи Джусти Ф. Видовые отношения в будущем времени в русском и в других славянских языках [текст] / Ф. Фичи-Джусти // Труды Аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1997. – Т. 2. – С. 115-127.
4. Haegeman L. The Semantics of Will in Present-day British English: A Unified Account [текст] / L. Haegeman. – Brussels: Paleis der Academiën, 1982. – P. 55.
5. Grice H.P. Logic and Conversation [текст] / H.P. Grice // Syntax and Semantics 3: Speech Acts. N.Y., San Francisco, London: Academic Press, 1975.
6. Haegeman L. Op. cit. – P. 102.
7. Остин Дж. Чужое сознание [текст] / Дж. Остин // Философия. Логика. Язык. – М.: Прогресс. 1987. – С. 53.
8. Хрисонопуло, Е.Ю. Когнитивный аспект варьирования форм indefinite при выражении будущих действий [текст] / Е.Ю. Хрисонопуло // Квантитативная лингвистика и семантика. – Новосибирск, 2001. – Вып. 3. – С. 200-206.
9. Вежицка А. Речевые акты [текст] / А. Вежицка // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс. – 1986. Вып. 17. – С. 251-275.
10. См. например, диссертационные исследования Комогорцева В.М. Система грамматических средств выражения будущего в современном английском языке [текст] / В.М. Комогорцева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1965. Маулер, Ф.И. Конструкции Shall/will + инфинитив в современном английском языке [текст] / Ф.И. Маулер. автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1968.
11. Haegeman, L. Op. cit.